

ГЛАВА V

РАСКОЛ

17(30) июля 1903 г. в Брюсселе открылся с таким нетерпением ожидавшийся всеми российскими марксистами II съезд РСДРП, делегаты которого представляли 26 социал-демократических организаций, включая группу «Освобождение труда». Состав участников съезда был достаточно пестрым: «твердые» и «мягкие» искровцы, бундовцы, «экономисты», представители Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Из 57 делегатов лишь трое были рабочими от станка, тогда как остальные являлись профессиональными революционерами-интеллигентами со своими амбициями и претензиями на лидерство, ярко выраженными чертами разных национальных характеров, нетерпимостью к инакомыслию. Все это, несмотря на тщательную подготовку съезда, предвещало довольно острую борьбу, которая началась с первых же заседаний.

Вступительная речь Плеханова была проникнута неподдельным пафосом. «Положение дел настолько благоприятно теперь для нашей партии, — сказал он, — что каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть...: «Весело жить в такое время!» И какой бы трудной ни была предстоящая работа, есть все основания надеяться, что она будет успешно доведена до конца и II съезд РСДРП составит эпоху в ее истории¹.

Вместе с Лениным и Петром Красиковым Плеханов был избран в состав бюро съезда и по очереди с ними председательствовал на заседаниях, выступая на каждом из них по нескольку раз. В дни работы II съезда РСДРП авторитет Плеханова был высок как никогда. Да и отношения его с Лениным внешне выглядели в тот момент совершенно безоблачными. Ведь в появившейся в июне 1903 г. в «Искре» статье Плеханова «Ортодоксальное буквоедство» деятельности будущего лидера большевиков была дана самая лестная оценка.

Поводом для появления этих полемических заметок Плеханова послужили резкие нападки на «искровский» проект программы партии со стороны руководителя небольшой эмигрантской социал-демократической группы «Борьба» Давида Рязанова (Гольдендаха), литературный псевдоним которого «Буквоед» должен был символизировать его приверженность аутентичному, ортодоксальному

толкованию марксизма. По мнению Рязанова, Ленин выступил в редакции «Искры» в роли библейского «змия-искусителя», соблазвившего якобы членов группы «Освобождение труда» и толкнувшего их на путь ревизии учения Маркса. В своем ответе Плеханов едко высмеял эту фантастическую версию. «Змий-искуситель, — писал он, — вообще никогда ничего не навязывал нам, а всегда действовал в идейном согласии с нами, как товарищ-единомышленник, нисколько не хуже нас понимавший великое значение правильной теории в нашем деле и нимало не склонный приносить ее в жертву *практике*. И если проект программы, предлагаемый нами российской социал-демократии, имеет свои недостатки, то за эти недостатки мы, то есть П.Аксельрод, В.Засулич и я, ответственны ничуть не меньше, чем Ленин»¹.

Больше того, Плеханов несколько раз повторил в этой статье ленинскую формулировку о капитализме как уже господствующем в России способе производства, очень сочувственно отнесся к высказанной Лениным в «Что делать?» мысли о том, что социал-демократы должны поднимать на протест против самодержавия все классы общества, и даже защищал ленинскую «отрезочную» аграрную программу, оговорив лишь, что РСДРП поддержит и более радикальные требования крестьян в земельном вопросе. Таким образом, Плеханов всячески старался подчеркнуть, что его разногласия с Лениным — это уже пройденный этап.

Примерно в том же плане выступал Георгий Валентинович и на II съезде РСДРП. Так, когда Владимир Акимов (Махновец), представлявший «Союз русских социал-демократов за границей», который в свое время попортил Плеханову немало крови, попытался вбить клин между руководителями «Искры», он сразу же получил резкий и притом весьма остроумный отпор. «У Наполеона, — с веселым огоньком в глазах заметил Плеханов, — была страстишка разводить своих маршалов с их женами. Иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что он не намерен разводиться со мной» (в протоколах съезда после этой фразы появилась секретарская ремарка: «Тов. Ленин, смеясь, качает отрицательно головой»²).

Если бы Плеханов и Ленин могли тогда знать, что произойдет всего через пару месяцев после этого эпизода... Пока же Георгий Валентинович твердо защищал Ленина и его книгу «Что делать?», в которой, впрочем, очень скоро он тоже будет находить только теоретическую путаницу и ошибки.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XII. С. 373.

² Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 136—137.

При обсуждении на съезде партийной программы вновь встал сложнейший и особенно болезненный в условиях России вопрос о процессе соединения марксизма с массовым рабочим движением. Как известно, сам Ленин признавал, что, говоря о внесении социалистического сознания в пролетарскую массу революционной интеллигенцией, он в полемике с «экономистами» перегнул палку в другую сторону, ибо в реальной действительности передовые рабочие не просто принимали «дары» партийных теоретиков, но и сами активно участвовали в этом процессе, прекрасно сознавая, что в полной мере удовлетворить свои классовые интересы они смогут лишь в будущем социалистическом обществе. Не будем забывать, что в начале XX в. оно представлялось рабочим как синоним социальной справедливости, равенства возможностей и подлинного товарищества в труде и повседневной жизни. Больше того, нередко рабочие считали себя даже большими социалистами, чем интеллигенты, добываясь чуть ли не искусственной изоляции пролетариата от влияния его образованных доброжелателей.

С другой стороны, нельзя было сбрасывать со счетов и стремления значительной части рабочих пойти по пути наименьшего сопротивления и как-то приспособиться к капиталистическому строю, добываясь лишь определенной социальной защиты в рамках существующей системы. В то же время и «русские Бебели», то есть рабочие, способные самостоятельно овладеть марксистской теорией, были в тогдашней России еще редчайшим исключением, тогда как основная пролетарская масса действительно нуждалась в идеологах, пропагандистах и организаторах со стороны. В свете этих фактов становится ясно, что любые попытки упростить картину взаимоотношений между радикально настроенной социал-демократической интеллигенцией и рабочей массой, абстрагироваться от попыток профессиональных революционеров командовать и даже манипулировать пролетариатом и от стремления последнего как-то отстоять свои позиции и играть вполне самостоятельную роль в жизни собственной, рабочей по названию партии, были бы равносильны дальнейшему запутыванию и без того крайне сложной и противоречивой ситуации.

В концепции Ленина, конечно, таилась угроза сектантства, идеологической зашоренности и нарушения демократических принципов в организационных вопросах. Однако немало негативных моментов было и во взглядах его оппонентов — «экономистов», а затем и меньшевиков (узкий практицизм, нарушение необходимого баланса между экономическими и политическими требованиями рабочих, занижение роли субъективного фактора исторического процесса и т.д.). Вот почему Плеханов оказался в очень трудном положении, хотя на первых порах он все же склонен был поддерживать Ленина, видимо, чувствуя, что его черно-белая идейно-организационная схема сулит на данном этапе партийного строительства более осязаемые результаты, чем ставка на сугубо стихийные, неизбежно

замедленные «органические» процессы развития пролетарского сознания без руководящего вмешательства партийной интеллигенции.

Выступая на съезде, Плеханов допускал, что по крайней мере два ленинских тезиса из книги «Что делать?» не вполне удачны. Речь шла об утверждении Ленина о том, что «стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии», и о его выводе, согласно которому «история всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тредьюнистское...» Однако Плеханов готов был сделать скидку на то, что Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую работу против «экономистов». Поэтому он убежденно защищал автора «Что делать?» от нападок А.С.Мартынова, с сарказмом сравнивая последнего с одним цензором, говорившим: «Дайте мне «Отче наш» и позвольте мне вырвать оттуда одну фразу, — и я докажу вам, что его автора следовало бы повесить»¹. Характерно, что через несколько месяцев под влиянием изменившейся внутрипартийной конъюнктуры позиция Плеханова в данном вопросе тоже станет гораздо более жесткой, бескомпромиссной и уже однозначно антиленинской.

Большой резонанс на съезде и после него вызвало выступление Плеханова против абсолютизации некоторых демократических ценностей, например, всеобщего избирательного права и неприкосновенности избранного народом парламента. Для революционера, сказал он, высшим критерием правильности проводимой им политической линии является то, в какой мере обеспечивает она успех революции. И если бы ради этого успеха потребовалось временно ограничить всеобщее избирательное право или досрочно распустить «неудачный» по составу, с точки зрения революционеров, парламент, то на подобные вынужденные меры следовало бы без колебаний пойти. При этом он сослался на пример разгона Кромвелем в 1653 г. так наз. «долгого» парламента, умеренное большинство депутатов которого вступило в конфликт с английской революционной армией.

Часть делегатов II съезда РСДРП аплодировала Плеханову, другая — неистово негодовала, полагая, что исторические прецеденты, относящиеся к эпохе господства буржуазии, не могут служить примером для пролетариата. Тем не менее Георгий Валентинович продолжал стоять на своем, оговорив лишь, что вся ситуация с нарушениями принципов демократии мыслится им как чисто гипотетическая. Кстати говоря, когда в январе 1918 г. большевики и левые эсеры разогнали Учредительное собрание, в котором преобладали несогласные с ними правые эсеры, ссылаясь, помимо всего прочего, и на авторитетное мнение Плеханова, высказанное им на II

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. С. 125.

съезде РСДРП, тот категорически отказался признать целесообразность такого акта. Тем самым он существенно скорректировал свой тезис 1903 г., действительно дававший возможность весьма произвольного толкования такого понятия, как «благо революции».

В конце концов делегаты партийного съезда единогласно (воздержался лишь Акимов) приняли с небольшими редакционными поправками «искровский» проект программы РСДРП. И этот факт с огромным удовлетворением был отмечен Плехановым, который подвел итог съездовским дискуссиям по этому кардинальному вопросу.

Под занавес брюссельской части II съезда РСДРП, который из-за преследований со стороны бельгийских властей после первых тринадцати заседаний пришлось спешно перенести в Лондон, был рассмотрен вопрос об отношении социал-демократов к либералам. Надо сказать, что либеральное движение в России в начале 900-х годов было на подъеме. В нем участвовали часть помещиков-земцев, многочисленные представители интеллигенции, служащие, студенты, отдельные офицеры. Их идеалом было введение в России конституции, парламента и создание правового государства на базе реформ, проводимых под давлением общественного мнения царским правительством. В 1902 г. за границей стал выходить либеральный журнал «Освобождение» под редакцией бывшего «легального марксиста» П. Б. Струве, ставившего своей целью объединение всех либерально-демократических сил России для борьбы с самодержавием. Таким образом, либералы-«освобожденцы» выступали как прямые политические конкуренты марксистов, претендовавших на гегемонию в российском освободительном движении. Вот почему на II съезде РСДРП и был поставлен вопрос о взаимоотношениях с либералами вообще и с «освобожденцами» в частности.

На рассмотрение делегатов были представлены два параллельных проекта резолюции. Автор первого, А. Н. Потресов, считал, что соглашение с либералами возможно, если последние выполняют ряд условий, в частности подержат требование всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Автор второго, Плеханов, ставил вопрос жестче: не отрицая необходимости поддержки пролетариатом оппозиционных выступлений либералов, он требовал не забывать об их половинчатости и разоблачать ее перед лицом пролетариата, не делая исключения и для представителей самого левого фланга либерального движения — сторонников «Освобождения». Из-за нехватки времени для детального обсуждения обоих проектов съезд одобрил как тот, так и другой.

В Лондоне, где состоялись еще 24 заседания съезда, в центре внимания делегатов оказался проект устава партии. Его обсуждение стало для участников съезда буквально роковым. За безобидными, на первый взгляд, расхождениями между формулировками первого

параграфа, предложенными Лениным и Мартовым¹, постепенно проступали контуры двух различных подходов к самой модели построения создаваемой в России партии рабочего класса.

Формально речь шла лишь о мере требовательности при отборе будущих членов партии, о степени их подчинения партийной дисциплине. Однако в условиях подполья, в которых вынуждена была существовать марксистская партия в России, от состава ее организаций и их дисциплинированности напрямую зависела боеспособность российской социал-демократии и эффективность всей ее работы. Конечно, пока РСДРП грозили не столько карьеристы, сколько просто необязательные, эгоистичные люди, не умеющие или не желающие подчиняться партийной дисциплине. Однако в специфических условиях подполья, в которых работали социал-демократы в России, было особенно важно с самого начала поставить заслон для вступления в партийные ряды тех, кто хотели бы чувствовать себя некими «вольными стрелками» от революции, работающими (или не работающими) в партии в зависимости от политической конъюнктуры или собственного настроения. Потенциальными носителями подобных взглядов была прежде всего часть радикально настроенной интеллигенции с ее индивидуализмом и богемно-анархистскими привычками, несовместимыми с конспиративной революционной работой.

Кроме того, при обсуждении проекта устава в некоторых выступлениях выявилась тенденция к ограничению роли ЦК партии и его полномочий и, соответственно, к расширению автономии местных комитетов РСДРП. По существу вопрос стоял так: строить ли марксистскую партию в России «сверху», предоставив максимум полномочий ее руководящим центральным органам и существенно ограничив права местных комитетов и тем более отдельных членов социал-демократических организаций, или, наоборот, «снизу», сделав партийных функционеров всех рангов лишь исполнителями воли рядовых партийцев? В принципе все твердые искровцы были тогда безусловными централистами, однако в рамках этой единой концепции партийного строительства, естественно, существовали некоторые оттенки, которые в полной мере выявились несколько позже, когда в ходе революции 1905—1907 гг. появилась реальная возможность перехода РСДРП на полуполюгальное положение и расширения внутривнутрипартийной демократии.

¹ Ленин считал, что каждый член партии должен не только признавать ее программу и платить членские взносы, но и принимать личное участие в работе одной из партийных организаций. Мартов же предлагал видоизменить заключительную часть этой уставной формулы, считая достаточным регулярное личное содействие партии под руководством и контролем одной из партийных организаций.

В наши дни острота дискуссии, разгоревшейся на II съезде РСДРП по организационным вопросам, кажется многим явно не адекватной сути самой проблемы, тем более что уже через пару лет сторонники Мартова практически признали правоту Ленина в том, что касалось формулировки первого параграфа партийного устава, а сторонники Ленина во весь голос заговорили о внутривнутрипартийной демократии. Тем не менее в 1903 г. у делегатов съезда было такое ощущение, что они оказались вдруг перед гамлетовским вопросом: быть или не быть? Может быть, организационные вопросы, в отличие от программных, не были в достаточной мере проработаны до съезда. Возможно, сказалось огромное нервное перенапряжение делегатов и особенно руководящего съездовского ядра. Или прорвалось, наконец, сквозь броню несколько показной искровской солидарности все то, что годами копилось в душе у редакторов «Искры» — взаимные обиды, неудовлетворенные амбиции... Так или иначе, согласие, царившее среди редакционной шестерки в Брюсселе, вдруг рухнуло.

Против ленинской формулировки параграфа 1 устава была выдвинута целая батарея, казалось бы, очень весомых аргументов. Мартов говорил, например, что чем шире будет количественный состав партии, тем лучше, ибо тогда и друзья, и враги будут видеть, насколько она сильна и популярна. Аксельрод предлагал подумать о тех, кто вполне сознательно, но не очень активно примыкает к РСДРП. Бундовец Либер напомнил, что есть люди, которые могут принести партии больше пользы, оставаясь вне ее организаций, чем входя в их состав. Однако Ленин не склонен был менять свою точку зрения, подчеркивая, что в России особенно важно отделить работающих от «болтающих» и что более жесткие условия приема в РСДРП уже сами по себе станут стимулом к организации социал-демократически настроенных рабочих и интеллигентов. В этом его поддержал и Плеханов, сославшись, в частности, на пример «Народной воли», страдавшей от чересчур широкой трактовки членства в ее организациях. Рабочие, сказал он, не побоятся вступить в партию при условии соблюдения строгой внутривнутрипартийной дисциплины. Другое дело интеллигенты, насквозь проникнутые духом индивидуализма и являющиеся главными носителями оппортунистических тенденций. «Проект Ленина может служить оплотом против их вторжения в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма», — закончил свою речь Плеханов¹.

И все же с перевесом в шесть голосов победу в данном вопросе одержал Мартов, хотя все остальные параграфы устава были приняты в ленинской редакции. Но этим дело не кончилось. Ситуация еще больше обострилась во время выборов членов редакции

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XII. С. 426—427.

«Искры» и ЦК РСДРП. Еще до съезда Ленин предложил оставить в редакционной коллегии лишь трех самых работоспособных, по его мнению, редакторов — Плеханова, Мартова и себя. Плеханов поддержал этот план, хотя и рисковал оказаться в проигрыше перед лицом очень дружного прежде тандема Ленин — Мартов. Не возражали как будто против редакционной «тройки» и Мартов с Потресовым. Однако на самом съезде Мартов неожиданно заявил, что он ничего не знал о планах Ленина¹ и что отсечение от руководства «Искрой» Аксельрода, Засулич и Потресова совершенно неприемлемо по этическим соображениям и легко бы неизгладимым пятном на его, Мартова, политическую репутацию.

После нервного и шумного обсуждения вопроса состоялось голосование. Предложение Троцкого оставить в редакции «Искры» всех прежних редакторов не прошло. В итоге баллотировались Плеханов (за него было подано 23 голоса), Мартов (22), Ленин (20) и Кольцов (3). После того, как Мартов категорически отказался войти в новый состав редакции, в ней остались фактически лишь Плеханов и Ленин, которым съезд предоставил право кооптировать позже третьего члена редакционной коллегии.

В ЦК были избраны сторонники Ленина — Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник и В. А. Носков. Поскольку новый устав РСДРП предусматривал также создание Совета партии — высшего партийного учреждения, действующего в период между съездами, прошли выборы одного из его членов (четыре других должны были делегироваться ЦК и редакцией «Искры»). Выбор пал на Плеханова: он получил 20 из 24 голосов и стал затем председателем Совета. Многие сторонники Мартова при этом от голосования воздержались.

В соответствии с итогами выборов центральных руководящих органов партии определилось деление делегатов на «большинство» (сторонники Ленина и Плеханова) и «меньшинство» (сторонники Мартова), которых позже стали называть большевиками и меньшевиками. Группа «Освобождение труда» прекратила свое существование.

По словам Троцкого, Ленин на II съезде РСДРП «завоевал» Плеханова, но ненадежно; одновременно он потерял Мартова, и навсегда². Мы не знаем, что думал при этом Плеханов, но события на съезде, видимо, заставили его взглянуть на Ленина новыми глазами. Характерно, что он сказал тогда о нем Аксельроду: «Из такого теста делаются Робеспьеры»³.

¹ В этом сомневалась даже сестра Мартова, Л. О. Цедербаум. См.: The Making of three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik Past. P. 112.

² Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 165.

³ Там же.

Из Лондона Ленин и Плеханов уезжали как боевые товарищи, настроенные на продолжение совместной работы. И взятый ими курс на единство действий приобретал тем большее значение, что в жизни молодой российской социал-демократии опять наступал очень трудный и крайне болезненный этап идейных шатаний и раздоров.

Надо сказать, что Ленин и Плеханов сразу же после окончания работы II съезда РСДРП предприняли несколько шагов, направленных на примирение с меньшевиками. Так, они поддержали предложение члена ЦК В.А.Носкова кооптировать в редакцию «Искры» всех четырех ее старых членов при условии, что из двух представителей «Искры» в Совете партии один обязательно будет большевиком. Однако мартовцы на это не пошли. В дальнейшем Ленин и Плеханов не раз вели переговоры о сотрудничестве с Мартовым, Засулич, Аксельродом, Потресовым, предлагали им изложить свои взгляды на возникшие разногласия на страницах «Искры», но каждый раз получали отказ.

По возвращении в Женеву началась, по образному выражению Н.К.Крупской, «тяжелая канитель». Хлынула эмигрантская публика из других зарубежных колоний, буквально замучив Ленина и Плеханова бесконечными расспросами: «Что случилось на съезде? Из-за чего был спор? Почему раскололись?» Потянулись в Швейцарию и посланцы партийных комитетов из России. При этом среди эмигрантов явно преобладали сторонники меньшевистской фракции.

Недавние товарищи собирались теперь уже отдельно друг от друга. Так, «большинство» устраивало свои совещания в женевском кафе Ландольта, где встречались В.И.Ленин, Г.В.Плеханов, В.В.Воровский, М.М.Литвинов, С.И.Гусев, П.А.Красиков, Н.Э.Бауман и др. Характерно, что самую непримиримую и воинственную позицию на этих сходах занимал Плеханов, говоривший Ленину, что он на 85—90% солидарен с ним¹.

В первые недели после съезда Плеханов был абсолютно убежден в том, что они с Лениным просто не могли действовать иначе, а меньшевики ведут себя совершенно возмутительно. По словам Плеханова, ему и в голову не приходило, что получившие отставку редакторы «Искры», в том числе и его старые друзья Аксельрод и Засулич, могут обидеться (ведь Аксельрод много раз сам хотел уйти из редакции, ссылаясь на состояние здоровья и низкую работоспособность, а о Засулич Георгий Валентинович как будто «забыл»). Если бы можно было предвидеть, к каким печальным результатам приведет этот редакционный переворот, говорил Плеханов, то они с Лениным уж как-нибудь поладили бы со старыми

¹ См.: Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. С. 267.

товарищами, хотя те и грешили склонностью к «расплывчатости»¹. Но все случилось так неожиданно...

Характеризуя отношения Плеханова и Ленина в тот период, близкая к семье Плехановых Л.И.Аксельрод писала: «Ленин и Георгий Валентинович оба очень упорные и очень воинственные люди. Неправда, что, как думает оппозиция (меньшевики. — С.Т.), Георгий Валентинович подчинился Ленину. Нет, в таких случаях эти два человека всегда будут солидарны, и между ними и теперь существует искреннее и сознательное согласие»².

Следующим крупным этапом внутривнутрипартийной борьбы стал II съезд Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, объединившей всех эмигрантов — членов РСДРП. Меньшевики решили использовать его для атаки на большевиков и превращения Лиги в опорный пункт меньшевизма. Съезд проходил 26—31 октября (н.ст.) 1903 г. в Женеве. Преобладали на нем меньшевики, что во многом предопределило ход прений. На Ленина, а заодно и на Плеханова обрушился поток самой настоящей брани и оскорблений. В ход пошли «устные мемуары», намеки, сплетни. Мартов, например, явно бил по самолюбию Плеханова, рассказав о том, как в частной беседе Ленин предлагал ему заключить союз против руководителя группы «Освобождение труда», говоря: «Разве ты не видишь, что, если мы будем вместе, мы будем держать Плеханова в меньшинстве и он ничего не сделает?»³

Плеханов на съезде Лиги поддерживал Ленина до конца, резко возражал Мартову, Троцкому, Дейчу, протестовал против обвинения большевиков в «бюрократизме», «помпадурстве» и т.п. Такой склоки и ругани, как на съезде Заграничной лиги, у российских социал-демократов, пожалуй, еще не было: яростные выкрики меньшевиков, искаженные злобой лица, топанье ногами, бешеный стук пюпитрами... Дело дошло до того, что оскорбленный Мартовым Плеханов предложил ему драться на дуэли, но не опускаться до уровня «охотничьих молодцов»⁴. Кончилось же все тем, что после отказа меньшевиков представить устав Лиги (а он давал ей право самостоятельно издавать литературу и отправлять ее в Россию) на утверждение ЦК Ф.В.Ленгник от имени этого последнего объявил съезд незаконным, а большевики и Плеханов покинули зал заседаний.

Вечером 31 октября состоялось неофициальное совещание большевиков — участников съезда Лиги. Плеханов пришел мрачным,

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—4 (письма Л.И.Аксельрод к сестре, И.И.Аксельрод).

² РЦХИДНИ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 3. Л. 72.

³ Протоколы 2-го очередного съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. Женева, 1904. С. 63—64.

⁴ См.: Бонч-Бруевич В.Д. Соч. М., 1961. Т. 2. С. 298—299.

нервным, расстроенным и заявил: «Надо мириться!» Это было полной неожиданностью для всех собравшихся. Между тем Георгий Валентинович взволнованно продолжал говорить о том, что не может стрелять по своим, что иногда, ради мира в семье, нужно уступать «капризным женам», что порой на уступки идет даже самодержавие («Тогда и говорят, что оно колеблется», — моментально подала реплику одна из присутствовавших на собрании большевичек)¹. Трудно сказать, что стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Плеханова, который до этого стойко защищал Ленина. Возможно, здесь сыграли свою роль упоминавшиеся выше «откровения» Мартова на съезде Лиги, возможно, Плеханова действительно ужаснула перспектива раскола с его склоками, руганью, взаимными оскорблениями и подсиживаниями. Кто знает...

В глубине души Плеханов не мог не чувствовать, что аргументы Ленина в пользу сокращения численного состава редколлегии «Искры» достаточно уязвимы. Ведь именно болезненному и тяжелому на литературный подъем П. Б. Аксельроду «Искра», быть может, была обязана своим появлением на свет и дальнейшим существованием, поскольку он не раз мирил Плеханова с Лениным и Ленина с Плехановым, когда они, казалось, уже стояли на пороге окончательного разрыва. Вдобавок Аксельрод делал в редакции уйму не всегда заметной, но очень важной подготовительной и организационной работы, которая компенсировала его недостаточную авторскую активность. Кроме того, как мог забыть Плеханов ту материальную и нравственную поддержку, которую Павел Борисович оказывал ему в самые трудные, порой трагические моменты его жизни?

То же самое можно сказать и о В. И. Засулич, которой Плеханов был обязан, может быть, своей жизнью. Да и работа Веры Ивановны вместе с Лениным и Мартовым в Мюнхене и Лондоне принесла общему «искровскому» делу и всей партии огромную пользу. Наконец, и Потресов тоже имел право на поддержку со стороны Плеханова, которому он помог издать знаменитый «Монистический взгляд на историю». Напомним в этой связи об одном письме Георгия Валентиновича своему молодому товарищу по партии, где он называл себя «преданным другом» Потресова и заверял последнего, что никогда его не забудет².

Так или иначе, «сдавать» этих людей Ленину без боя Плеханов морального права не имел. Но законы политической игры, в которую он активно включался летом и осенью 1903 г., продиктовали

¹ См.: Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957. С. 81.

² См.: Социал-демократическое движение в России. Материалы. Т. 1. М.-Л., 1928. С. 48—49.

ему совсем иное решение, уже известное читателю. Однако не исключено, что чувство раскаяния, пусть запоздалого, было все же не чуждо «отцу» русского марксизма, хотя его последующий разрыв с А. Н. Потресовым и П. Б. Аксельродом в 1908—1909 гг. наводит на мысль, что Плеханов был явно не сентиментальным человеком (в этом плане Ленин во многом напоминал Георгия Валентиновича, хотя к Мартову, например, он даже после прекращения всяких личных отношений сохранял какое-то особое отношение, чего нельзя сказать о Плеханове).

31 октября 1903 г. Плеханов по существу предъявил ультиматум: либо Ленин дает согласие на восстановление редакции «Искры» в прежнем, досъездовском составе, либо он, Плеханов, уходит в отставку со всех партийных постов. На следующий день Ленин в присутствии члена ЦК Ф. В. Ленгника безуспешно попытался уговорить его отказаться от своего намерения, а затем передал ему записку, в которой говорилось: «Я, право же, вполне и вполне понимаю Ваши мотивы в пользу уступки мартовцам. Но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент — самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче *гораздо вернее*, чем война с мартовцами. Это не парадокс... Ради единства, ради прочности партии — не берите Вы на себя этой ответственности, не уходите и не отдавайте всего мартовцам»¹. Однако Плеханов был неумолим, и вечером того же дня Ленин написал заявление о выходе из редакции «Искры». Тем самым он предоставлял Плеханову возможность беспрепятственно осуществлять свои миротворческие акции, желательность которых Ленин в принципе не отрицал. Кроме того, подобная тактика позволяла ему избежать малоприятной ситуации, когда он оказывался в положении той самой «брошенной жены», за спиной которой вкривь и вкось судачат о том, что она сама виновата в развале семьи. (Именно так, кстати говоря, истолковал этот жест Ленина Плеханов. По его словам, если бы он сам ушел из редакции, то каждый мог бы сказать: очевидно, Ленин неправ, если с ним разошелся даже Плеханов. Правда, сам Ленин такую версию отрицал, но не исключено, что Плеханов в данном случае был близок к истине).

Заметим, что Ленин отнюдь не рассматривал свою отставку как уступку меньшевикам, ссылаясь на пример известного английского политического деятеля Чемберлена, который вышел из состава правительства, чтобы упрочить свои позиции². И действительно, в двадцатых числах ноября Ленин был кооптирован в состав ЦК и с удвоенной энергией продолжил там борьбу против меньшевиков.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 313—314.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 43—44.

Первые недели ноября ушли на переговоры, в ходе которых меньшевики выдвинули ряд дополнительных условий примирения, потребовав кооптировать их представителей в ЦК, дать им два места в Совете партии и признать законность съезда Заграничной лиги. В конце концов 18 ноября 1903 г. Ленин прислал Плеханову заявление о своем выходе из редакции «Искры» с просьбой опубликовать его в газете. Это был окончательный разрыв, развязавший руки Плеханову. Он кооптировал всех старых редакторов «Искры», и 20 ноября вышел ее очередной, 52-й номер уже без участия Ленина, хотя сообщения о его отставке в газете еще не было.

Центральное место в номере занимала статья Плеханова «Чего не делать?», в которой он попытался как-то объяснить свою позицию. Уже само название статьи звучало как вызов Ленину — автору известной книги «Что делать?» Плеханов писал, что в руководящем партийном центре нужны люди, отличающиеся не только смелостью, решительностью и настойчивостью (этими качествами, по его мнению, Ленин обладал в полной мере), но и огромной осмотрительностью (а вот ее Плеханов у него, очевидно, не находил). Плеханов подчеркивал, что партийные руководители должны быть мудры, как змии, обладать большой гибкостью и диалектическим складом мышления. Он советовал не смешивать твердость характера с упрямством, предостерегал от прямолинейности и односторонности. Выдвигался и довольно оригинальный тезис, согласно которому борьба с ревизионизмом не всегда равнозначна вражде с ревизионистами. При этом Плеханов давал понять, что видит в бывших «экономистах», а ныне меньшевиках, людей, которые уже становятся товарищами марксистов-ортодоксов. Что касается партийной дисциплины, то, признавая ее огромное значение, особенно в условиях подполья, Плеханов тем не менее решительно возражал против смешения ее с дисциплиной казарменной и предостерегал от «несвоевременной требовательности». Мы обязаны избегать новых расколов, подчеркивал он, ибо в противном случае рабочие перестанут нас понимать и мы окажемся в печальном и одновременно смешном положении штаба без армии, деморализованного вдобавок внутренней борьбой. К счастью, заключал Плеханов, в наших рядах царит ныне такое единомыслие (?), что новый раскол не имел бы никакого серьезного оправдания¹.

Ленин воспринял поворот Плеханова к союзу с меньшевиками как предательский удар в спину. Характеризуя позже зигзаги политической линии Плеханова, он писал о его позиции: «1) 1903, август — большевик; 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры») — за мир с

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 3—10.

«оппортунистами» — меньшевиками; 3) 1903, декабрь — меньшевик и ярый»¹.

И хотя «большевизм» Плеханова в августе—октябре 1903 г. был весьма относительным и его последующий переход на сторону меньшевиков тоже сопровождался рядом оговорок, тем не менее внешняя картина политической эволюции Плеханова в этот критический для РСДРП период нарисована здесь Лениным верно.

Со своей стороны, меньшевистские руководители не скрывали радости по поводу перехода Плеханова на их сторону. «Плеханов пришел к нам с «белым флагом», — писал Мартов Аксельроду 4 ноября 1903 г. При этом Плеханов заявил, что решил пойти на уступки, лишь бы избежать открытого раскола, и предложил меньшевикам вести вместе с ним в «Искре» войну против ЦК².

В 53-м номере «Искры» (декабрь 1903 г.) было, наконец, помещено объявление о выходе Ленина из редакции газеты и его небольшое открытое письмо по поводу статьи Плеханова «Чего не делать?» Ленин писал, что статья ему понравилась и партии действительно нужно как можно больше гласности во всем, что связано с расколом на II съезде РСДРП и в последующий период. По мнению Ленина, партия должна знать о деятельности каждого кандидата на роль своего руководителя, чтобы правильно распределить между ними роли: одному вручить сентиментальную скрипку, другому — свирепый контрабас, а третьему — дирижерскую палочку³.

Реакция Плеханова на эту юмористическую, но весьма многозначительную ленинскую фразу была мгновенной: в том же номере «Искры» появился его ответ, где оспаривался буквально каждый тезис Ленина. Стоило лидеру большевиков заговорить о гласности в партийных делах, как Плеханов тут же язвительно замечал, что «свет свету рознь», прозрачно намекая, что вряд ли стоит «вглядываться в мелочи и дразги кружковой жизни». В противном случае прекрасный девиз Гете «Света, больше света!» мог бы привести, по его мнению, лишь к «затмению». Апелляция Ленина к пролетариату как к высшему судье во всем, что касается партийного раскола, вызвала в ответ реплику Плеханова о самом худшем из всех видов псевдодемократизма. Фразу Ленина о том, что партия должна видеть каждое поражение того или иного своего руководителя, он воспринял как камешек в свой огород, предложив заняться этим лет через тридцать в какой-нибудь «Русской старине».

Но особенно задела Плеханова пресловутая «дирижерская палочка». Он явно заподозрил Ленина в претензиях на обладание всей полнотой партийной власти и заявил, что сама постановка

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 222.

² Письма Ю.О.Мартова и П.Б.Аксельрода. Берлин, 1924. С. 96—97.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 93—97.

этого вопроса, как свидетельствует, например, опыт немецкого рабоче-го движения времен Лассалья, характерна лишь для периода сектантской кружковщины и утрачивает значение по мере роста классового самосознания пролетариата. Кроме того, небольшому оркестру — а насчитывавшую в лучшем случае несколько тысяч членов РСДРП в то время можно было сравнить именно с ним — вообще вряд ли нужен особый «дирижер». Так или иначе, писал Плеханов, «мы обязаны принять все меры к тому, чтобы вопрос о том, кому махать этой палочкой, не делал нас упрямыми, прямолинейными, близорукими, узкими, подозрительными, неуживчивыми...», намекая тем самым, что Ленин и другие большевики грешат именно по этой части. Заканчивал же Плеханов свой «Ответ на письмо тов. Ленина» новым призывом к единству партии, объявляя его не только возможным, но и совершенно обязательным¹.

Нельзя не сказать, что реакция на эти статьи Плеханова в партийных кругах была в целом отрицательной, поскольку «тушинские перелеты» никогда не были в почете у русской интеллигенции.

Так, в ноябре 1903 г. Дан писал Аксельроду: «...Репутация его (Плеханова. — С.Т.) в глазах именно наиболее порядочных из числа бывших сторонников его весьма подорвана...»²

Знаменательно, что Плеханов не любил объяснять причины, побудившие его столь резко порвать с Лениным. Жена Г.Е. Зиновьева, Злата Лилина вспоминала, как после II съезда РСДРП жившие в Берне русские социал-демократы попросили Плеханова прочитать доклад о положении дел в партии. Один из членов большевистской группы прямо спросил Георгия Валентиновича: «Не можете ли объяснить нам, чем руководствовались вы, когда на съезде пошли с большевиками, а после съезда перешли к меньшевикам?» Плеханов вспылил, но по существу вопроса ничего не ответил³.

А в январе 1904 г. он выступил в «Искре» со статьей «Грустное недоразумение», навеянной критическими отзывами читателей газеты на статью «Чего не делать?» Плеханов не счел нужным оправдываться, фактически лишь повторив то, что уже писал в наделавшей столько шума статье «Нечто об «экономизме» и об «экономистах» (мысли вслух по поводу Второго съезда РСДРП)»⁴. Он вновь и вновь предостерегал от излишней подозрительности к инакомыслию в рамках марксизма, от искушения судить обо всем происходящем на основании двух-трех формул, якобы заключающих в себе всю квинтэссенцию «ортодоксии», от примитивных метафизических рассуждений по схеме: да — да, нет — нет, а что сверх того, то от

¹ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 11 — 13.

² Дан Ф.И. Письма (1899 — 1946). Амстердам, 1985. С. 68.

³ См.: Ленин: человек, мыслитель, революционер. М., 1990. С. 114.

⁴ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 14 — 22.

лукавого. Плеханов призывал встать выше формального подчинения букве партийного устава и придерживаться не юридической, а более широкой, политической точки зрения. Примером такого широкого, непредвзятого подхода к проблемам внутрипартийной жизни он считал и изменение собственной позиции в конце 1903 г.

«Я принадлежал на съезде к *большинству*, которое... и произвело выборы в партийные центры, — писал он. — Но большинство это было совершенно незначительное большинство. До того незначительное, что когда на одном из последних заседаний один из наших перешел к *меньшинству*, то съезд оказался разделенным на *две равные части*... — Выходило, что *люди, выбранные одной половиной, должны были руководить всеми*. Я тогда же почувствовал, что это было ненормально. Но я еще не знал тогда, к каким практическим неудобствам поведет такая ненормальность. Впоследствии я увидел, что неудобства эти страшно велики, и постарался устранить их, насколько это от меня зависело. Я сделал известную товарищам кооптацию». Больше того, Плеханов был убежден, что аналогичную операцию нужно проделать и с ЦК партии, ибо в противном случае, оставаясь чисто большевистским, он останется, так сказать, «эксцентричным», тогда как ему нужно сделаться действительно Центральным¹. Таким образом, Плеханов и дальше предлагал уступить меньшевикам.

Между тем положение в партии становилось все более напряженным. Мартов выпустил брошюру «Борьба с «осадным положением» в РСДРП», наполненную самыми яростными обвинениями против Ленина и его единомышленников. Еще резче критиковал Ленина Троцкий. Фракционная борьба шла теперь полным ходом и в России.

Тем временем на Дальнем Востоке началась русско-японская война. В ночь на 8 февраля (н. ст.) японская эскадра напала на русские военные корабли, стоявшие на рейде Порт-Артура, серьезно повредив два броненосца и один крейсер. Россия была в этом конфликте тоже далеко не безгрешна, ибо при царском дворе с одобрения Николая II давно действовала довольно влиятельная группировка, выступавшая за войну с Японией. Рост революционного движения в стране подталкивал правящие «верхи» к мысли о том, что «маленькая победоносная война», как выражался министр внутренних дел В.К. Плеве, поможет предотвратить революцию. Однако неудачи сначала на море, а потом и на суше стали преследовать Россию с самого начала кампании. К ней оказались не подготовленными

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 54 — 55. Выступая 2 сентября 1904 г. на собрании членов РСДРП в Женеве и развивая эту мысль, Плеханов говорил: «Продолжать политику так называемого «большинства» значило организовать в партии гражданскую войну, упорную и крайне вредную для нашего дела, борьбу между почти равными силами» (там же. С. 376).

ни армия, ни флот. Первая волна патриотизма быстро уступила место разочарованию, апатии, а у части общества, включая либералов, — и откровенно «пораженческим» настроениям.

Свое отношение к начавшейся войне Плеханов выразил в статье «Строгость необходима», опубликованной в первом номере «Искры» за 1904 г. Обдумывая ее название, Плеханов использовал слова известного издателя газеты «Новое время» А. С. Суворина, который в связи с поражениями русской армии и флота на Дальнем Востоке призвал своих читателей быть строгими к самим себе, чтобы «не повторить наших ошибок, заблуждений... и пороков, чтобы не жить так, как мы жили». Отвечая Суворину, Плеханов согласился с ним в том, что так, как жила Россия раньше, ей больше жить нельзя и что строгость действительно необходима, но прежде всего по отношению к царизму, бросившему страну в костер бессмысленной войны.

Он подчеркнул, что у русских революционеров не может быть ни продолжительного мира, ни короткого перемирия с царским правительством. Ход рассуждений Плеханова при этом выглядел так. В войне столкнулись русский и японский империализм, и ведут ее не народы, а правительства России и Японии. С точки зрения международной социал-демократии, победа как той, так и другой стороны будет куплена ценою огромных жертв, приведет к усилению милитаризма и шовинизма и потому может рассматриваться как зло. Но если из двух зол нужно выбирать меньшее, то этим меньшим злом является поражение царизма, ибо он служит оплотом международной реакции, давит Польшу, травит «жидов», нарушает конституцию Финляндии и представляет собой величайшую угрозу мировому освободительному движению.

Нужно как можно скорее покончить с царским правительством, позорящим Россию в глазах всего цивилизованного мира, продолжал Плеханов. Нет и не может быть таких исключительных обстоятельств, которые позволили бы тем, кому дороги честь и интересы России, идти хотя бы несколько шагов рядом с царизмом. И во время войны интересы народа самым коренным образом расходятся с интересами правительства, а те огромные бедствия, которые она несет народным массам, являются лишь новым доказательством того, что России нужно как можно скорее освободиться от гнета самодержавия. Справившись с внутренним врагом — царизмом и став, наконец, свободным народом, мы уже сравнительно легко уладим свои дела со всеми внешними врагами, заканчивал статью Плеханов¹.

Несколько очень интересных мыслей, раскрывающих подход Плеханова к проблеме патриотизма, можно найти в черновых набросках к статье «Строгость необходима». «Нам говорят — вы

враги России, — писал он. — На это мы ответим: мы стоим на точке зрения международного социализма, но это нисколько не мешает нам всем сердцем любить Россию. Нам глубоко жаль тех матросов и солдат, кровь которых льется на Дальнем Востоке, а осиротевшие семьи мыкают горе на родине по прихоти шайки бандитов, управляющих Россией. Мы сочувствуем работникам, одетым в военные мундиры, так же горячо, как и всему трудящемуся населению этой страны. Но мы знаем, что у этого населения нет более злого и опасного врага, чем царское правительство, и что за победоносный исход войны, затеянной этим правительством, тяжелее всего поплатилось бы это население. Поэтому мы прямо и смело говорим, что не могли бы радоваться такому исходу. Из этого, однако, не следует, что мы могли бы или хотели бы помогать японцам»¹.

Таким образом, Плеханов выступил в период русско-японской войны не просто как революционер-пацифист, провозглашающий лозунг мира в сочетании с призывом к свержению самодержавия (именно так поступали Мартов и другие члены редакции «Искры»), а как политик, который видит в военных неудачах царизма средство приблизить начало революции. И в этом он явно сближался с большевиками, которые тоже выступали в 1904—1905 гг. за поражение царизма в войне как пролог революции. Однако Плеханов проявлял в данном вопросе очень большую щепетильность. Примером этого может служить его отношение к участию в Парижской конференции революционных и либерально-оппозиционных партий и организаций России, состоявшейся осенью 1904 г. Инициатором ее созыва был видный финский общественный деятель Конни Зиллиакус, связанный, как выяснилось позже, с японским военным атташе в Петербурге полковником Акаши и получавшим от него довольно крупные суммы денег на работу по «разложению» царской империи изнутри. Сначала ничего не подозревавший Плеханов как председатель Совета РСДРП переписывался с Зиллиакусом и даже несколько раз лично встречался с ним на предмет участия российских социал-демократов в Парижской конференции. Однако к началу сентября в Швейцарии была получена информация о том, что предполагаемые партнеры по переговорам — польские социалисты-пепесовцы во главе с Ю. Пилсудским и Финляндская партия активного сопротивления во главе с Зиллиакусом связаны с японцами. После этого Совет РСДРП срочно пересмотрел свое прежнее решение, и 15 сентября 1904 г. Плеханов сообщил Зиллиакусу об отказе участвовать в конференции, намекнув, что некоторые из ее будущих участников не чужды определен-

¹ См.: *Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова*. М., 1973. Т. II. С. 34.

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 94—100.

ного политического авантюризма «в вопросе, касающемся победы японского буржуазного правительства»¹.

В ряде статей, посвященных анализу ситуации на Дальнем Востоке, Плеханов, используя материалы отечественной и иностранной печати, показал закономерность военных поражений России, порожденных глубоким кризисом самодержавного строя. Просчеты русской дипломатии, авантюризм придворной камарильи, бездарность генералов, коррупция, плохое снабжение армии — все это соединилось вместе, чтобы продемонстрировать миру гнилость существующей в России политической системы и страшную отсталость ее общественно-экономического строя, которые уже невозможно было компенсировать храбростью, выносливостью и послушанием русского солдата. Кстати говоря, обо всем этом Плеханов знал не только из газет. Летом 1904 г. на курорте Беатенберг он познакомился с командиром ставшего легендарным крейсера «Варяг» Всеволодом Рудневым, который приехал лечиться в Швейцарию после ранения и контузии. Не раз они гуляли вместе вдоль берега Тунского озера, беседуя о войне и положении дел в России. Это была очень колоритная пара: обласканный царем новоиспеченный флигель-адъютант и злейший враг самодержавной системы. Однако взаимная симпатия победила, и беседы, которые они вели на отдыхе, оказались приятными и полезными обоим.

Несколько позже, летом 1905 г., когда русско-японская война уже шла к концу, Плеханов откликнулся на просьбу редакции французского журнала «La vie socialiste» высказать свое мнение по вопросу об отношении социалистов к проблеме патриотизма. Его статья так и называлась «Патриотизм и социализм». Как марксист-ортодокс Плеханов защищал еще здесь даже весьма двусмысленный и сомнительный тезис Маркса и Энгельса о том, что рабочие не имеют отечества. Однако он делал акцент на том, что интернационалистская позиция социал-демократов вовсе не тождественна равнодушию к национальной культуре, языку, традициям и обычаям, наконец к родной земле как естественной среде обитания каждого народа. И при коммунизме, продолжал Плеханов, ссылаясь при этом на известного французского социалиста Жана Жореса, национальные различия останутся естественными гранями «великого коммунистического человечества завтрашнего дня», когда идея «Отечества» отступит перед несравненно более широкой идеей Человечества.

Сознательный пролетарий каждой данной страны, продолжал Плеханов, чувствует себя несравненно ближе к пролетариату другой

¹ См.: Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1984. С. 235—237; Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 43—46.

страны, чем к своему соотечественнику-капиталисту. «А так как по условиям современного мирового хозяйства социалистическая революция... должна быть *международной*, то в умах сознательных рабочих идея *отечества*, — объединяющего в одно солидарное и полное «исключительности» целое все классы общества, — по необходимости должна уступить место бесконечно более широкой идее солидарности революционного человечества, т.е. *«пролетариев всех стран»*. И чем шире делается могучая река современного рабочего движения, тем дальше отстывает психология *патриотизма* перед психологией *интернационализма»*¹.

Конечно, Плеханов как правоверный марксист рисовал здесь крайне идеализированную картину. Пройдет десять лет, и он сам поймет, что интернационалистские тенденции общественного развития и интернациональные чувства пролетариата еще совсем не так сильны, как представлялось ему раньше, ибо динамика процесса интернационализации и реальный ход сближения наций были много сложнее и противоречивее любых книжных схем. Вместе с тем Плеханов совершенно справедливо подчеркивал, что интернационализм «вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны», т.е. с патриотизмом, но это отнюдь не означает, что в вопросах войны и мира, международной торговли и колониальной политики социалисты всегда и во всем должны поддерживать правительство собственной страны, поскольку интересы прогресса и революции (а для Плеханова они были неотделимы друг от друга) — превыше всего².

А тем временем в российской социал-демократии продолжал раскручиваться маховик межфракционной и внутрифракционной борьбы, причем центристская позиция Плеханова, хотя и с явным креном в сторону поддержки меньшевизма, вызывала неудовлетворенность и раздражение обеих враждующих сторон. Большевики видели в нем перебежчика, бросившего их в самый драматический момент раскола, а меньшевики, и прежде всего их лидеры, не могли забыть о позиции Плеханова на II съезде РСДРП и подчеркнутой независимости некоторых его последующих суждений. Не налаживались и личные отношения Плеханова с Мартовым, Аксельродом, Даном и особенно с Троцким.

Одно из первых столкновений в редакции меньшевистской «Искры» произошло уже в декабре 1903 г., когда Плеханов попытался доказать, что не стоит печатать протоколы II съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии и ту часть протоколов II съезда РСДРП, которая фиксировала споры, разгоревшиеся при выборах центральных учреждений партии. По его

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 269.

² Там же. С. 269—270.

мнению, широкая гласность в подобных вопросах могла повредить престижу партийных лидеров и партии в целом и вызвать неблагоприятную реакцию у рядовых социал-демократов. Такая позиция свидетельствовала о том, что внутрипартийную демократию Плеханов понимал довольно своеобразно, но остальные члены редакции «Искры» настояли на необходимости полной публикации партийных документов.

Весной 1904 г. отношения Плеханова с меньшевиками еще больше обострились. На этот раз причиной конфликта послужила публикация в марте статьи Троцкого «Военная кампания "Искры"» где он упрекал ЦК РСДРП и ряд большевистских партийных комитетов в России в том, что они в своих листовках взяли слишком «антибуржуазный» тон, тогда как в действительности русская буржуазия не имела к дальневосточной авантюре царизма никакого отношения и была настроена против войны. Плеханов не разделял подобных взглядов и использовал факт публикации статьи Троцкого без его ведома как повод для крупного разговора с Мартовым и другими меньшевистскими лидерами. Он заявил, что не может работать в коллегии, систематически пропускающей статьи Троцкого, который «понижает своими писаниями литературный уровень «Искры». При этом вопрос ставился Плехановым ультимативно: либо Троцкий перестанет сотрудничать в газете, либо он сам уйдет из редакции, поскольку для него «морально невозможно работать при сотрудничестве Троцкого»¹.

Сам по себе вопрос об отношении различных слоев российской буржуазии к войне с Японией и о том, в какой мере царизм учитывал ее интересы при выработке своего внешнеполитического курса, достаточно сложен и требует гораздо более гибкого и дифференцированного подхода, чем тот, который продемонстрировали Троцкий и Плеханов. Первый склонен был, по-видимому, отождествлять буржуазию с теми либералами, которые подобно П. Б. Струве стояли на грани «пораженчества», что было явным преувеличением, а второй слишком прямолинейно представлял себе взаимоотношения «базиса» и «надстройки», приписывая самодержавному государству роль чуть ли не слуги российского и международного капитала, что также сильно упрощало ситуацию.

Но на первый план при этом выходил все же чисто личный момент. Дело в том, что Плеханова уже давно раздражала сама манера поведения Троцкого, его цветистый литературный стиль,

¹ Письма Ю. О. Мартова и П. Б. Аксельрода. С. 102. В очень интересных неизданных воспоминаниях «Телега жизни» М. А. Сильвин, кооптированный в 1904 г. в ЦК РСДРП, писал, что Плеханов совершенно не выносил Троцкого. «Писатель!! Скажите лучше — писец!» — говорил он о нем (РЦХИДНИ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1. Л. 141).

излишняя самоуверенность и нескромность. Любовь Аксельрод писала об одном из заседаний редакции и сотрудников «Искры»:

«На последнем собрании сотрудников мне ужасно не понравился Троцкий. Он нахален до неприличия, очень легкомысленный и очень уж большой Streber (карьерист. — нем.). К тому же он крайне банален, чем в значительной степени и обуславливаются его моментальные успехи. На все статьи он предлагает свои услуги, лезет и несносен. Понимаю вполне, почему его так невзлюбил Георгий Валентинович»¹.

Для понимания внутриискровских конфликтов большой интерес представляет еще одно письмо той же Любови Аксельрод к сестре Иде, датированное апрелем 1904 г. Она сообщает, что Плеханов подал в отставку, ибо страшно недоволен хозяйничаньем в «Искре» меньшевиков. Со слов Плеханова, Л. И. Аксельрод сообщает, что в газете появлялось много бестактных статей, которые ему даже не показывали. Особенно не нравились Плеханову статьи Троцкого. Недоволен он был и тем, что в редакции недоброжелательно относились к самой Л. И. Аксельрод, которую Плеханов считал своей ученицей. Слышала Л. И. Аксельрод от Плеханова и жалобы на В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода, якобы систематически «изменявших» ему после приезда за границу Ленина и Мартова. В итоге у Плеханова постепенно созрело решение отойти от редакционных дел и заняться исключительно разработкой теоретических вопросов. «Стала невыносима ему эта вечная драка то с одним, то с другим, — писала Л. И. Аксельрод. — Это, конечно, чрезвычайно печально для партии, но для него действительно выхода нет... Казалось бы, что они (меньшевики. — С. Т.) должны были держаться Георгия Валентиновича, а они вместо этого старались всеми силами столкнуть его»².

Надо сказать, что меньшевики хладнокровно и со знанием дела просчитали все возможные варианты разрешения редакционного конфликта. Допустим, рассуждали они, требования Плеханова будут выполнены, но без Троцкого «Искра», несомненно, потускнеет, а Георгий Валентинович, войдя во вкус, станет предъявлять все новые и новые претензии, пока не превратит редакцию в послушную исполнительницу своей воли. Если же уйдет Плеханов, то общественный резонанс от такого шага будет явно не в пользу меньшевиков, и, учитывая его высокий авторитет в РСДРП и во II Интернационале, можно ожидать возникновения весьма невыгодной для меньшевистских лидеров ситуации и в России, и за границей. Не исключался и такой вариант, при котором в отставку уходил уже не Плеханов, а все другие редакторы «Искры». Можно было,

¹ РЦХИДНИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 17. Л. 21.

² Там же. Д. 13. Л. 11—12.

наконец, передать ведение газеты в руки Ленина, который довел бы ее, как самоуверенно думали меньшевики, до полного банкротства. Один из вариантов предусматривал передачу Плеханову журнала «Заря».

В конце концов возобладало мнение, что разрыв с Плехановым, который помимо работы в редакции «Искры» выполнял еще обязанности председателя Совета партии, переложил бы ответственность за углубление партийного кризиса на меньшевиков. Поэтому при посредничестве П.Б.Аксельрода начались поиски взаимоприемлемого решения, и в итоге Троцкий на время уехал в Германию, а Плеханов, наотрез отказавшись стать единоличным редактором «Искры», остался членом ее редакционной коллегии.

Тем не менее напряженность в отношениях с меньшевиками сохранялась. Дан, например, прямо говорил о Плеханове: «Не свой». В ноябре 1904 г. Плеханов еще раз «взбунтовался», резко выступив против издания параллельно с «Искрой» популярной рабочей газеты «Социал-демократ» с участием Рязанова, Троцкого и других «сомнительных» литераторов. При этом он опять пригрозил выходом из редакции. Наконец, в начале 1905 г. возникли трения из-за планов кооптации в редакцию «Искры» Ф.И.Дана, которого Плеханов тоже недолюбливал.

Формально Плеханов не раз бравировал своим «беспристрастием» в партийных делах, заявив, например, на январской сессии Совета партии в 1904 г., что не принадлежит ни к «большинству», ни к «меньшинству»¹. Однако в выигрыше от этой позиции Плеханова неизменно оказывались в тот период меньшевики.

Возьмем для примера статью Плеханова «Централизм или бонапартизм?», опубликованную в первомайском номере «Искры» за 1904 г. С «меньшинством», писал он там, у нас нет ни программных, ни тактических разногласий. В самом деле, разве Аксельрод, Засулич, Мартов и Потресов не принимали самого деятельного и плодотворного участия в выработке и защите нашей программы? А каким химическим реактивом можно открыть «ересь» в резолюции Потресова об отношении к либералам, принятой на II съезде чуть ли не всеми большевиками? Предложенная Мартовым формулировка первого параграфа устава действительно хуже ленинской, но все же это частный вопрос по сравнению с тем, из-за чего борются во всем мире ревизионисты с ортодоксами. «На том основании, что я с большим одобрением отнесся бы к исключению из списков социал-демократии господина Бернштейна, отрицающего все основы революционного социализма, вовсе еще не следует, что я должен враждовать с т. Мартовым, предложившим свою формулировку первого параграфа. Господин Бернштейн — неисправимый ревизионист, и

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1. Л. 107.

мы обязаны до конца бороться с ним в интересах пролетариата; а т. Мартов — непримиримый враг ревизионизма, ортодокс чистой воды, и мы обязаны идти с ним рука об руку и плечо с плечом в интересах того же самого класса. По отношению к господину Бернштейну надо быть *как можно более неуступчивым*, а по отношению к товарищу Мартову надо быть *уступчивым как можно более*», — писал Плеханов¹.

Совсем иную характеристику давал он большевикам, упрекая их в том, что они, подобно одному старому попугаю, который и в дождь, и в зной повторял заученную им фразу: «Скверная погода!», тоже все время кричат по адресу меньшевиков: «Оппортунизм, оппортунизм!» Ссылаясь на письмо в «Искру» членов большевистских Уфимского, Среднеуральского и Пермского комитетов РСДРП, где говорилось о праве ЦК «расскассировать» любой партийный комитет и лишить прав любого члена партии, Плеханов нарисовал следующую картину ленинской диктатуры над партией: «Вообразите, что за Центральным комитетом всеми нами признано пока еще спорное право «расскассирования». Тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда ЦК всюду «расскассировывает» все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему «Ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас действительно не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха. Щедрин говорит, что, когда Мак-Магонша спросила у этого повелителя «твердых» магометан, издавна пользующегося правом «расскассирования», какая из европейских стран нравится ему больше всех остальных, он, не колеблясь, ответил: «Россия» — и тотчас же кратко пояснил свою мысль: «Jamais politique, toujours hourrah! et puis фюить!» («Никакой политики, всегда «Ура!» и потом — фюить!» — С.Т.). У нас тогда будет как раз это самое: Jamais politique, toujours hourrah! et puis... расскассирование...»²

Полная реализация ленинского организационного плана, как считал Плеханов, привела бы к тому, что в рядах партии «очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов, в ней сидели бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да Центральный Журавль, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой»³.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 85—86.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 92. Плехановым использована здесь басня И.А.Крылова «Лягушки, просящие царя».

Читая эти саркастические плехановские строки, невольно думаешь, что их автор сумел заглянуть далеко вперед, увидев, что станет с большевистской партией после принятия в 1921 г. знаменитой резолюции X съезда РКП(б) о запрещении фракций и особенно после прихода к власти Сталина. По отдельным, как будто вскользь брошенным замечаниям Ленина, разбросанным в его публицистике и выступлениях 1903–1904 гг., меньшевики могли судить об опасных тенденциях, уже тогда таившихся в его плане построения партии. Напомним, что Ленин называл неисправимыми утопистами тех, «кто хочет широкой организации рабочих с выборами, отчетом, всеобщими голосованиями и пр.», осуждал «неуместное и неумеренное применение выборного начала», выступал за оплачиваемый из партийной кассы аппарат социал-демократических функционеров и т.д.¹ И все же, отдавая должное интуиции Плеханова, Аксельрода, Мартова и Троцкого, следует сказать, что до 1917 г. указанные ими отрицательные черты большевизма находились еще в начальной стадии развития. Здесь сыграли свою роль широкое движение за демократизацию внутрипартийной жизни в 1905–1907 гг. и объединение с меньшевиками и национальными социал-демократическими партиями в 1906 г., сопровождавшееся принятием более демократичного устава РСДРП. Наконец, надо учитывать, что в 1908–1911 и 1914–1916 гг. в силу объективных условий влияние большевистского центра на партийную периферию было вообще невелико. Тем не менее уже в дооктябрьский период достаточно определенно просматривалась тенденция к сосредоточению в руках Ленина и его ближайшего окружения мощных рычагов воздействия на партийный аппарат и рядовых членов большевистской фракции (бесконтрольное распоряжение денежными средствами, устранение с руководящих постов людей, проявивших нелояльность к вождю, выдвижение партийного «молодняка» по принципу личной преданности лидеру, стремление к монополизации идеологического руководства и т.д.). Не случайно после Первой русской революции из большевистского руководства исчезли А. А. Богданов, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский, позволявшие себе не соглашаться с Лениным. С другой стороны, именно Ленин способствовал продвижению по партийной иерархической лестнице такой сомнительной личности, как Виктор Таратута, не говоря уже об оказавшемся провокатором Романе Малиновском. Общеизвестна также неразборчивость большевистского руководства в средствах пополнения партийной кассы (экспроприации).

Что касается Ленина, то в 1904 г. в своих печатных работах и публичных выступлениях он старался не задевать лично Плехано-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 119–120, 133; т. 7. С. 7.

ва. Его сдержанность объяснялась как чисто тактическими соображениями, так и сохранявшимся у большевистского лидера уважением к своему сопернику¹. Однако это лишь подзадоривало Плеханова. В мае 1904 г. он обратился с открытым письмом к ЦК РСДРП, где преобладали тогда «примиренцы», подбивая их на то, чтобы отнять у Ленина право представлять ЦК за границей (это, кстати говоря, и было сделано в июле 1904 г.). Кроме того, Плеханов позволил себе совершенно недопустимую, особенно для председателя Совета партии, который по долгу службы обязан был иметь дело с обеими фракциями, выходку. На страницах «Искры» он адресовал Ленину следующие строки Некрасова:

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию,
Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию!²

В ответ большевики М. Н. Лядов и Н. В. Валентинов (он выступил под псевдонимом Нилов) направили в редакцию «Искры» два очень резких, граничащих с грубостью письма.

Лядову Плеханов ответил в подчеркнуто издевательской манере: «Что касается собственно Ваших *допросных пунктов*, то я, не служащий дворянин Тамбовской губернии, Георгий Валентинов сын Плеханов, у исповеди и святого причастия давно уже не бывавший, не токмо за страх, но и за совесть отвечаю...» И далее Плеханов заявлял, что в случае необходимости будет объясняться только лично с Лениным, а не с его ходатаем «советником Лядовым»³.

Что касается второго письма (а к его составлению, если верить Валентинову, был непосредственно причастен и Ленин)⁴, где говорилось, в частности, что один из сводных братьев Плеханова, Григорий служит исправником в г. Моршанске, то Плеханов расценил его как откровенную брань, а редакция «Искры» отказалась печатать подобное «произведение», приравняв его к анонимке⁵.

¹ Н. В. Валентинов, который в 1904 г. был достаточно близок к Ленину, вспоминал, что тот говорил о Плеханове: «Это человек колоссального роста, перед ним приходится съеживаться» (Валентинов Н. В. Встречи с Лениным. С. 196, 251–252). Плеханов импонировал Ленину, как никто другой, больше, чем Каутский или Бебель. Все, что он говорил, писал, делал, крайне интересовало Ленина, который весь обращался в слух, когда речь заходила о Плеханове. Ленин безоговорочно поддержал его в философских спорах с Валентиновым.

² См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 108.

³ Там же. Т. XIII. С. 111–112.

⁴ См.: Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 268.

⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 114–115.

В обстановке все усиливающейся конфронтации между большевиками и меньшевиками Плеханов счел нужным вновь вернуться и к вопросу о своем отношении к книге Ленина «Что делать?». В большой статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция», увидевшей свет в двух августовских номерах «Искры», он заявил, что заметил в «Что делать?» довольно много теоретических ошибок еще тогда, когда познакомился с рукописью Ленина. Плеханов якобы даже настаивал тогда на переработке ряда мест, где шла речь о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении. Однако члены редакции «Искры» стали говорить Плеханову, что он слишком строг к Ленину, что тот, несмотря на отдельные неудачные выражения, строго придерживается ортодоксального марксизма, а сам Ленин пообещал ему внести в рукописи необходимые исправления (но не сделал этого). Вот почему Плеханов не стал в то время выступать против автора «Что делать?» публично, о чем он позже очень сожалел.

Позиция Ленина в промежуток времени между выходом в свет книги «Что делать?» и II съездом РСДРП давала основание Плеханову надеяться на то, что его «инстинктивный» марксизм быстро превращается в марксизм сознательный и он уже исправил старые ошибки. Именно этим Плеханов и объяснял свое стремление не касаться на съезде старых разногласий. Тем не менее он признал, что зашел в своем «обелении» Ленина слишком далеко. «Иногда я говорил так, как говорят няньки о напроказивших детях, которых они хотят исправить, не прибегая к наказаниям. «Это не Ваня (или, там, не Володя) шалил, это шалила кошка, а Володя (или, там, Ваня) — умный мальчик, он шалить не будет». Этот старый педагогический прием был ошибкой, о которой я теперь очень сожалю...», — писал Плеханов¹.

По его словам, он даже не предполагал, что сторонники Ленина сделают из «Что делать?» столь далеко идущие выводы о совершенно исключительной роли, которую призваны играть в пролетарской партии «профессиональные революционеры», несущие рабочим свет социалистической мысли и заодно безраздельно царящие в партийных комитетах. Однако реальная действительность превзошла все его опасения. «Только после съезда, — писал Плеханов, — наблюдение показало мне, что взгляд Ленина на рабочую массу как на «неисторический элемент истории», как на «Материю», движимую к социализму действующим *извне* «Духом», что этот ошибочный взгляд в значительной мере определил собою *тактические и организационные* понятия как самого Ленина, так и многих наших «твердых» практиков. Наконец, только после съезда понял я, как горько я ошибался, приписывая Ленину движение *«вперед»*. На самом деле он и не думал идти в этом направлении. Как нельзя

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 138.

более довольный той популярностью, которую создало ему его отклонение от марксизма, сделавшее его идеи более доступными для наименее подготовленных к пониманию марксизма «практиков», он не только не отложил в сторону палки, искривленной им в полемике с «экономистами», но сел верхом на эту кривую палку и обнаружил самое недвусмысленное намерение ехать на ней — при восторженных кликах всех советников Ивановых нашей партии¹, — в сторону... «диктатуры». Все это коренным образом изменило в моих глазах положение дел, и я решил бороться и спорить, следуя неоспоримо верному в данном случае правилу: лучше поздно, чем никогда².

Что касается существа проблемы, то Плеханов справедливо возражал против утверждения Ленина о том, что теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения. При этом он ссылаясь на пример Маркса и Энгельса, которые, несомненно, отразили в своем идейном развитии рост рабочего движения в Германии, Франции и Англии, а также на эволюцию взглядов той группы народников (сначала землевольцев, а потом чернопередельцев), к которой принадлежали он сам и П.Б.Аксельрод. «...Мне, игравшему некоторую роль в истории возникновения группы «Освобождение труда», — напоминал Плеханов, — приходилось, когда я еще был народником и принадлежал к организации «Земли и воли», главным образом, «заниматься с рабочими»; я убежден, что именно опыт, приобретенный мною в этих «занятиях», подготовил меня к усвоению марксизма»³. По мнению Плеханова, Ленин разошелся в «Что делать?» с Марксом, Энгельсом и Каутским, когда утверждал, что сами по себе, без революционной интеллигенции, рабочие не могут пойти дальше тредьюнионистских взглядов. Между тем рабочие испытывают инстинктивное влечение к социализму, вырастающему из самих жизненных условий, в которые поставлен наемный работник. Интеллигенция же ускоряет этот процесс, делает его более осмысленным, но в то же время и сама учится у пролетариата⁴.

Вряд ли есть необходимость повторять здесь то, что уже было сказано по данному вопросу выше, когда мы анализировали работу II съезда РСДРП. Напомним лишь, что в 1905 г. Ленин сформулировал свое понимание соотношения стихийности и сознательности в

¹ Советник Иванов — персонаж одного из произведений М.Е.Салтыкова-Щедрина, который был так мал ростом, что не мог вместить в себя никакого «пространства». Синоним ограниченного, примитивно мыслящего человека. Этот образ Плеханов неоднократно применял по отношению к большевикам.

² Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 139 — 140.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 132.

рабочем движении уже не так, как в книге «Что делать?»: «Рабочий класс, — писал он с учетом опыта революции, — инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж немало сделала для превращения этой стихийности в сознательность»¹. И думается, что Плеханов вряд ли стал бы возражать против подобного подхода к вопросу о роли марксистской партии в социалистическом воспитании рабочего класса.

В августе 1904 г. состоялся шестой по счету, Амстердамский конгресс II Интернационала. Первоначально предполагалось, что его делегатами от РСДРП будут все члены Совета партии, включая Ленина. Однако последний решил передать свой мандат большевикам М. Н. Лядову и П. А. Красикову, в задачу которых входило и распространение большевистских «Материалов к выяснению партийного кризиса в РСДРП», составленных при участии Ленина в противовес официальному меньшевистскому докладу о состоянии российского социал-демократического движения и причинах раскола РСДРП (автором его был Ф. И. Дан). В итоге в Амстердам приехали Плеханов, Аксельрод и Дан. Что же касается большевиков Лядова (а его Плеханов имел теперь основания считать своим личным врагом) и Красикова, то Георгий Валентинович был против их включения в состав делегации РСДРП. Однако Международное социалистическое бюро решило вопрос о представительстве на конгрессе в пользу большевиков.

В целом Амстердамский конгресс стал незаурядным событием в истории международного рабочего движения. Поскольку он происходил в разгар русско-японской войны, делегаты решили избрать заместителями председателя конгресса представителей обеих воюющих держав — Плеханова и Сэна Катаяму. Под дружные аплодисменты всего зала они обменялись товарищескими рукопожатиями, и эта маленькая, но очень трогательная демонстрация пролетарского интернационализма, которую реакционная газета «Московские ведомости» тут же назвала актом «национальной измены» со стороны Плеханова, дала соответствующий настрой всей последующей работе конгресса. В своей речи, встреченной бурными аплодисментами делегатов, Плеханов резко критиковал внутреннюю и внешнюю политику царизма. Конгресс осудил политику захватов, которую вели на Дальнем Востоке как Япония, так и Россия.

В Амстердаме были приняты также резолюции о возможности участия социалистов в буржуазных правительствах (этот вопрос был решен отрицательно) и о всеобщей стачке пролетариата как крайнем средстве борьбы за изменение существующего строя или отпора посягательствам на права рабочих со стороны реакционных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 86.

сил. Плеханову больше импонировала резолюция Лилльского съезда французских социалистов, предусматривавшая возможность перехода от всеобщей стачки к восстанию. Но в такой плоскости вопрос на Амстердамском конгрессе не обсуждался, и ему оставалось лишь выразить надежду, что рано или поздно международная социал-демократия решит данную проблему более радикально¹.

Обсуждался на конгрессе и еще один вопрос, имевший самое прямое отношение к России, — вопрос о единстве социалистического движения. Как известно, в начале 900-х годов в Англии, Франции, России было по несколько партий, объявлявших себя социалистическими. Конгресс же решил, что в принципе такая ситуация не может считаться нормальной и в каждой стране должна быть только одна социалистическая партия. Плеханов очень скептически относился к единству революционеров и оппортунистов. Так, например, комментируя решение Болонского съезда итальянских социалистов, он писал весной 1904 г. в «Искре»: разногласия по вопросу о реформах и революции вырыли уже такую глубокую пропасть между реформистами и революционерами, что им нельзя идти вместе. Когда положение дел принимает такой оборот, раскол представляется совершенно естественным явлением. Однако в России, по мнению Плеханова, ситуация была принципиально иной. Здесь меньшевики были якобы вполне согласны с большевиками в программных и тактических вопросах, но ленинцы стремились к расколу². В заметках о работе Амстердамского конгресса Плеханов опять повторил, что в РСДРП влияние оппортунизма равно нулю³.

Разумеется, у Ленина была на сей счет совсем иная, прямо противоположная плехановской, точка зрения. Не случайно, в самом конце 1904 г., когда в России началась так называемая банкетная кампания в связи с 40-летием судебных уставов 1864 г. и редакция «Искры» предложила рабочим поддержать эти конституционные по своему духу выступления либеральной и демократической общественности, Ленин и Плеханов дали подобным рекомендациям совершенно разную оценку. Для Ленина налицо было своего рода «удвоение» меньшевистского оппортунизма, который из области организационных вопросов перешел теперь в сферу тактики. Плеханов же, выпустивший в начале 1905 г. небольшую брошюру «О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом (письмо к ЦК РСДРП)», наоборот, горячо выступил в ее защиту.

Он считал, что меньшевистская «Искра» по существу предлагает рабочим то же самое, за что агитировал в свое время сам Ленин в «Что делать?»: будоражить общество, использовать любой повод для изложения пролетарских требований, толкать либералов влево

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XVI. С. 350—351.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 339.

и тем самым делать их оппозицию самодержавию более эффективной. Нам предстоит буржуазная революция, главную роль в которой суждено будет сыграть, однако, пролетариату, предупредил Плеханов. И социал-демократы должны своевременно позаботиться о том, чтобы в этой революции приняли активное участие все те буржуазные элементы, которые могут в ней участвовать. Иначе может случиться так, что в то время как пролетариат будет, не щадя живота, сражаться с самодержавием, буржуазия будет сложа руки ожидать исхода битвы, а затем приберет к рукам добытые рабочими плоды победы¹.

Но неужели Ленин был против этого? — может спросить читатель. Конечно, нет. Но его гораздо больше волновал теперь вопрос о том, как «разбудить» спящих либералов и прибавить им смелости, а вопрос о самостоятельной классовой линии пролетарского движения, увеличении его влияния на крестьянство, критике непоследовательности и шаткости «проснувшихся» либералов. Россия стояла на пороге первой в своей истории революции, которая и должна была решить, кто же в конечном счете прав — большевики или меньшевики, Ленин или Плеханов?

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 182—183.